

Потанина Ольга Сергеевна

**К ТИПОЛОГИИ АТРИБУТИВНЫХ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ
ВАСЮГАНСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются канонические атрибутивные посессивные конструкции в васюганском диалекте хантыйского языка, под которыми понимаются конструкции с выраженной синтаксической связью между посессором и обладаемым, которые составляют одну именную группу (в отличие от неканонических конструкций с подъемом посессора). Объектом исследования являются атрибутивные посессивные конструкции, средством выражения посессивных отношений в которых служит лично-притяжательное вершинное маркирование. Проводится сравнение морфологически маркированных и немаркированных (апозитивных) атрибутивных посессивных конструкций в васюганском диалекте хантыйского языка, выражающих значение принадлежности и непосессивные значения, с целью выявления специфики их дистрибуции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 165-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8; 81'443.3

Филологические науки

В статье рассматриваются канонические атрибутивные посессивные конструкции в васюганском диалекте хантыйского языка, под которыми понимаются конструкции с выраженной синтаксической связью между посессором и обладаемым, которые составляют одну именную группу (в отличие от неканонических конструкций с подъемом посессора). Объектом исследования являются атрибутивные посессивные конструкции, средством выражения посессивных отношений в которых служит лично-притяжательное вершинное маркирование. Проводится сравнение морфологически маркированных и немаркированных (аппозитивных) атрибутивных посессивных конструкций в васюганском диалекте хантыйского языка, выражающих значение принадлежности и непосессивные значения, с целью выявления специфики их дистрибуции.

Ключевые слова и фразы: документация исчезающих языков; васюганский диалект хантыйского языка; категория посессивности; атрибутивные посессивные конструкции.

Потанина Ольга Сергеевна, к. филол. н.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
olgapotanina@yahoo.com*

К ТИПОЛОГИИ АТРИБУТИВНЫХ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ВАСЮГАНСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА©

1. Определение объема понятия посессивности

В нашей статье под посессивностью в языке понимается выраженное языковыми средствами отношение обладания одного объекта другим и семантически близкие к нему отношения. Посессивность в языке может рассматриваться в семантическом аспекте с точки зрения всего разнообразия выражаемых посессивными конструкциями значений: отношения родства и других видов социальных отношений, партитивные отношения, предикато-актантные отношения, отношения временного обладания, ассоциативные отношения. Следовательно, семантика посессивных отношений не ограничивается значением собственно обладания. Учитывая то, что формально все перечисленные отношения в васюганском диалекте оформляются идентично, мы не исключаем из анализа какие-либо виды отношений (примеров предикато-актантных отношений на данный момент получено недостаточно для достоверного анализа). Прототипичными посессивными отношениями принято считать отношения неотчуждаемой принадлежности и обладания.

В аспекте грамматики посессивности данная категория выражается в языке с помощью различных специализированных морфологических и синтаксических средств, описание которых и является основной целью данной статьи. Изучение использования лексических средств выражения посессивных отношений – предикатов обладания – является темой будущего отдельного исследования. С точки зрения когнитивной семантики [6] посессивные конструкции в языках мира объясняются ограниченным набором базовых когнитивных моделей, которые определяют порядок слов и морфосинтаксис посессивных конструкций.

В данной статье представлен типологический портрет посессивных конструкций в васюганском диалекте с точки зрения морфологических и синтаксических средств, использующихся для выражения посессивных значений (и не только) в атрибутивной конструкции.

2. Посессивная именная группа в васюганском диалекте хантыйского языка в типологической перспективе

Относительно синтаксической структуры посессивных конструкций, в канонической атрибутивной конструкции посессор и обладаемое связаны синтаксической связью и образуют одну именную группу. В языках часто представлены два типа посессивных именных групп: с местоименным посессором и именным посессором. Подобными атрибутивными конструкциями в русском языке являются посессивные конструкции типа «*наш дом*» (посессор выражен притяжательным местоимением), «*комната бабушки*» или «*мамино пальто*» (в последних двух примерах посессор выражен именем).

В восточных диалектах хантыйского языка притяжательные местоимения отсутствуют: посессор в атрибутивной посессивной конструкции выражен личным местоимением в основном падеже, например:

<p>(1) <i>mä</i> <i>ap-am</i> 1SG отец-1SG/SG «мой отец».</p>	<p>(2) <i>mä</i> <i>jop-lam</i> <i>ari-qas-ət</i> 1SG удочка-1SG /PL ломаться-PST-3PL «мои удочки сломались».</p>	
---	---	--

Обладаемое в васюганском диалекте (см. «отец» и «удочки» в примерах (1) и (2) выше) оформляется лично-притяжательным суффиксом, кодирующим лицо и число посессора и число обладаемого. В нашей статье под посессивным показателем понимается лично-притяжательный суффикс, оформляющий обладаемое, который выражает значение лица и числа посессора и числа обладаемого.

Относительно порядка следования элементов в составе именных групп, в атрибутивной группе определение всегда предшествует определяемому, также как и в посессивной конструкции посессор, выраженный местоимением или именем, всегда предшествует корреляту посессивного отношения. Конструкция с именным посессором выглядит следующим образом:

- (3) *wajay lök-əl män-ä pämitäl-tə*
 animal footprint-3SG/SG 1SG-ILL show-PST0.3SG/SG
 «След зверя мне показал».

С общетипологической точки зрения, в любой именной группе эксплицитно выраженное морфосинтаксическое маркирование, отражающее синтаксическую связь внутри группы, может быть локализовано на вершине, на зависимом, на обоих, либо ни на одном из членов группы [8]. Как было отмечено, в атрибутивной посессивной конструкции в васюганском диалекте хантыйского языка лично-притяжательное маркирование, согласующееся с лицом и числом посессора (по всем трем лицам), присутствует на обладаемом, т.е. на вершине атрибутивной посессивной конструкции. Посессивный показатель в подобных конструкциях также выражает и значение числа обладаемого. С точки зрения маркирования посессора в атрибутивной посессивной группе васюганский диалект относится к языкам с вершинным маркированием. Что касается стратегии кодирования посессора, то эксплицитное маркирование посессивных отношений на посессоре отсутствует: в хантыйском языке нет генитива и нет функционально схожих средств выражения посессивных отношений, указывающих на то, что определенный член группы является посессором.

В парадигме посессивного склонения имен существительных в васюганском диалекте в посессивном показателе четко выделяется морфема числа обладаемого [1; 2]. Данная морфема выделена в примере (4) ниже. Порядок следования морфем в слове при наличии посессивного показателя выглядит следующим образом: основа – деривационные морфемы – число – притяжательный суффикс – падеж, например:

- (4) *ämp-ali-l-äm-na*
 собака-DIMIN-PL-1SG-COM
 «с моими собачками».

Следует, однако, отметить, что традиционно суффикс со значением множественного числа обладаемого *-l-* (как и суффикс двойственного числа обладаемого) в парадигме лично-притяжательного склонения не выделяется и анализируется вместе с суффиксом лица и числа посессора как один лично-притяжательный суффикс со значением лица и числа посессора и числа обладаемого [Там же]: в примере (4) следует выделять суффикс *-läm* 1SG/PL, в котором 1SG – это лицо и число посессора, а PL – число обладаемого.

В васюганском диалекте посессор не оформляется никакими показателями посессивных отношений. Посессор может быть маркирован лично-притяжательным суффиксом в том случае, если он является вершиной другой посессивной именной группы (примеры (5) и (6) ниже):

- (5) *mustəm ni qu-j-əl oy-əl toyə joyə-nta*
 красивая женщина муж-3SG/SG голова-3SG/SG прочь рубить-INF
 «Голову мужа красавицы на отсеченье» [5, p. 105].
- (6) *tuy-i fi apaj-ən faj tom ostrow-a*
 нести-IMPR.2SG DET дед-2SG/SG stuff DET остров-ILL
 «Отнеси вещи твоего деда на тот остров».

В примере (6) присутствуют две посессивные именные группы – «твой дед» и «вещи деда» и, таким образом, в одной именной группе сочетаются два вида посессивных отношений. В первом случае слово «дед» является обладаемым, т.е. вершиной именной группы «твой дед» и, следовательно, имеет посессивный показатель со значением лица и числа обладателя и числа обладаемого. Во второй именной группе в том же примере (6) лексема «дед» уже является посессором (зависимым) в именной группе «вещи деда». Как показывают примеры (5) и (6) подобное лично-числовое кодирование посессора на вершине подобных конструкций необязательно в той именной группе, в которой отношения выражают отчуждаемую принадлежность, как в примере (6) «вещи деда», тогда как подобное маркирование обязательно при выражении неотчуждаемой принадлежности «голова мужа» в примере (5). Примеры и анализ подобных конструкций также представлены в [4, p. 101].

В том случае, если число обладаемых больше одного и они выражены разными именами, как в примере (7) «мои жена и дети», то посессивная конструкция может образовываться двумя посессивными группами с эксплицитно выраженным посессором в обеих группах, например:

- (7) *jiyitə-j-i atfi*
 смотреть-EP-IMPR.2SG брат
mä niq-əm mä werəŋ-ot-lam-na
 1SG жена-1SG/SG 1SG маленький-вещь-1SG/PL-COM
mä-n lök qutfiynə läyəl-wəl-t
 1SG-ACC дорога рядом ждать-PRS-3PL
 «Посмотри, брат! Моя жена с моими детьми ждут меня у дороги» [5, p. 64].

В имеющихся материалах по васюганскому диалекту наблюдается тенденция эксплицитно выражать местоименного посессора именно 1 л. ед.ч. В данном контексте выраженное и повторяющееся местоимение 1 л. ед.ч. еще и служит эмфатическим средством: в данной истории два брата искали свои семьи, долго ходили, не зная, найдут ли, возле деревни младший брат первым увидел свою жену с детьми у дороги и указывает на них старшему брату, произнося эмфатическое предложение в примере (7), тогда как семьи старшего брата пока не найдены, их нигде не видно: пример (8).

В случае с остальными лицами и числами местоименные посессоры часто остаются невыраженными, а только кодированными на вершине посессивной именной группы. Сравните примеры (7) и (8):

- (8) *mä*   *nij-əm*   *werəŋ-ot-ləl-na*   *əntə*   *qəl-tə-t*
 1SG   жена-1SG/SG   маленький-вещь-3SG/PL   NEG   виднеться-1MPP-3PL
 «Моей жены с детьми не видно» [Ibidem, p. 65].

В предложении в примере (8), которое является следующим после предложения в примере (7), отсутствует лично-притяжательное согласование на обладаемом «дети» по 1 л. ед.ч. – «мои дети», вместо которого оно согласуется с посессором 3 л. ед.ч. «моя жена» и получается посессивная фраза «ее дети». Зная историю, невозможно допустить, что у старшего брата, произносящего данную фразу, и его жены дети раздельные. Следовательно, в данном случае правила, регулирующие референциальный выбор, скорее всего, свидетельствуют и высокой степени прагматической активированности референта «дети». Местоимение 3 л. ед.ч., не несущее логического ударения, традиционно опускается. Возможно, посессивный показатель 3 л. ед.ч. на лексеме «дети» в данном случае выражает значение определенности, что имеет место в хантыйском языке, однако, обсуждаться подробно в данной статье не будет.

Хантыйский язык относится к т.н. языкам «рго dɔr» и является языком с эллипсисом местоимений в роли подлежащего и с развитой системой лично-числового глагольного и именного согласований. Допускается опущение местоимений в роли подлежащего только в основном падеже. Также хантыйский язык допускает эллипсис местоименного посессора в атрибутивной посессивной конструкции (при облигаторном лично-притяжательном кодировании посессора на вершине), что является очень частотным случаем:

- (9) *jəy-əl*   *toloy-wəl*
 отец-3SG/SG   говорить-PRS.3SG
 «Его отец говорит» [Ibidem, p. 81].

В данном случае наблюдается анафорическое использование лично-притяжательного маркера, которое основывается на кодировании именного посессора, упомянутого в предшествующем дискурсе, и отсутствии необходимости эксплицитно выражать посессора, вся грамматическая информация о котором маркируется на вершине. Референтное употребление имен в данных примерах относится к случаям т.н. текстовой (или прагматической) определенности, при которой «возможность правильно отождествить референт именной группы возникает у адресата непосредственно на основе сведений из предшествующего текста сообщенных ему ранее говорящим» [3, с. 226].

В тех единичных случаях, когда посессор, выраженный местоимением не-первого лица, эксплицитно присутствует в посессивной именной группе, конструкция является прагматически маркированной и указывает на прагматически низкий статус посессора, который эксплицитно выражен личным местоимением в основном падеже. Подобные конструкции крайне редки и встречаются, в основном, в полевых записях последних лет [10].

В случае с посессором эксплицитно выраженным полнозначной лексемой, данная лексема может быть как высоко-референтной и специфичной, как примерах (5) и (6), так и нереферентной. Например:

- (10) *səyə*   *put*
 глина   горшок
 «глиняный горшок» [5, p. 63].

- (11) *wajay*   *pun*
 зверь   шерсть
 «звериный мех» [Ibidem, p. 81].

Отличие от примеров (5) и (6), в которых именной посессор представлен референтной лексемой и в которых присутствует посессивное маркирование, в примерах (10) и (11) лично-притяжательное маркирование на вершине отсутствует, поскольку посессор выражен нереферентной, неконкретной лексемой. Подобные аппозитивные конструкции не выражают значения обладания одного объекта другим. В примерах (10) и (11) представлен широко распространенный способ выражения значения «материал» или «состав» с помощью подобной синтаксической конструкции. Более того, аппозитивные конструкции широко применяются и для выражения других значений:

- (12) *potinka*   *pelək*
 ботинок   половина
 «ботинок» (половина пары) [Ibidem, p. 96].

(13) *qu jernas*
 мужчина рубашка
 «мужская рубашка».

(14) *torəm qotl*
 бог день
 «праздник».

В немаркированных аппозитивных конструкциях «посессор» предшествует «обладаемому» и маркирован лишь порядком слов, элементы конструкции связаны простым соположением, морфологическое маркирование «посессора» отсутствует.

3. Перспективы дальнейших исследований

Категория посессивности очень тесно связана с категорией детерминации [3, с. 235]: отсутствие лично-притяжательного маркирования имени свидетельствует о нереперентности, неконкретности обозначаемого им объекта, а наличие подобного маркирования коррелирует с определенностью имени. Многие исследователи уральских языков связывают «непосессивные» значения лично-притяжательных суффиксов с выражением значения определенности оформленного ими имени, что, однако, до сих пор вызывает дискуссии [9].

В васюганском диалекте хантыйского языка встречается конструкция выражения посессивного отношения типа «у меня есть», которая в рамках данной статьи не рассматривалась. Например:

(15) *mən-nə əj nəws-am patron wəl-kal*
 1SG-LOC один дать осечку-PP патрон быть-PST.3SG
 «У меня был один давший осечку патрон».

В примере (15) представлен случай маркирования посессора локативным падежом.

Также встречаются и конструкции с глаголом «держать, хранить», используемые в значении «обладать». Например:

(16) *qaq-əl əj-ni toja-γən*
 младший брат-3SG маленький-женщина держать-PST0.3SG
 «У него была дочка» [5, p. 60].

В обско-угорских языках «личные местоимения в форме датива выступают в качестве притяжательных местоимений для обозначения обладателя при единичном обладаемом, но не в *habeo*-конструкциях и конструкциях с определением, характеризующим принадлежность предмета, а как сказуемое» [7, S. 169]. В данном аспекте интересно было сопоставительное исследование подобных конструкций в северных и восточных диалектах хантыйского языка.

Известно, что атрибутивные посессивные конструкции представляют большее разнообразие значений и функций, чем предикативные, особенно с учетом дискурсивных особенностей, что открывает перспективы исследования данной проблематики на материале васюганского диалекта хантыйского языка.

4. Заключение

Прототипичными посессивными конструкциями для васюганского диалекта хантыйского языка являются следующие:

1) конструкция с выраженным местоимением посессором и лично-числовым кодированием посессора на вершине. На посессоре посессивные отношения не маркируются. Предварительный анализ материала позволяет допустить, что эксплицитно выраженным посессором обычно является местоимение 1 л. ед.ч. (остальные местоимения опускаются). Невыраженные местоименные посессоры также кодируются лично-числовым согласованием на вершине;

2) в конструкциях с выраженным лексическим посессором в референтном употреблении лично-числовое согласование с посессором на вершине сохраняется. На посессоре посессивные отношения также не маркируются;

3) имеются конструкции, образованные простым соположением имен (посессора и обладаемого) без морфологического оформления посессивных отношений. Значения таких конструкций выходят за рамки прототипичного значения принадлежности. Последняя конструкция встречается довольно часто, что можно объяснить в терминах иерархии, построенной на свойствах контролеров личного согласования [11, p. 149].

Список литературы

1. Миндиярова Э. Р. Морфолого-синтаксический способ выражения категории притяжательности в хантыйском и татарском языках // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2007. № 4 (67). С. 86-88.
2. Миндиярова Э. Р. Система посессивных аффиксов в васюганском диалекте хантыйского языка на материале полевых записей 2008 г. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2009. № 323. С. 35-37.
3. Плу́нган В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
4. Filchenko A. Possessive Constructions in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2014. № 1 (3). P. 99-112.
5. Filchenko A., Potanina O. Khanty Texts // Annotated Folklore Prose Texts of Ob-Yenissey Language Area. Tomsk: Vajar, 2010. Vol. 1. P. 39-132.

6. Heine B. Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge University Press, 1997. 292 p.
7. Honti L. 'HABERE' «по-уральски» // *Linguistica Uralica* XLIV. 2008. № 3. S. 161-177.
8. Nichols J., Bickel B. Chapter Locus of Marking in Possessive Noun Phrases [Электронный ресурс] / D. S. Matthew & M. Haspelmath (eds.) // *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2011. URL: <http://wals.info/chapter/24> (дата обращения: 05.02.2014).
9. Nikolaeva I. Possession vs. Nominal Attribution in Uralic / E. Helimski and A. Widmer (eds.) // *Wúša wúša – Sei gegrüsst! Beiträge zur Finnougristik zu Ehren von Gert Sauer dargebracht zu seinem siebzigsten Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. S. 239-250.
10. Potanina O. Manifestations of Language Attrition Among Eastern Khanty Speakers // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2013. № 2 (2). P. 75-82.
11. Siewierska A. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 327 p.

ON TYPOLOGY OF ADNOMINAL POSSESSIVE CONSTRUCTIONS BY THE MATERIAL OF VASYUGAN KHANTY

Potanina Olga Sergeevna

National Research Tomsk Polytechnic University

olgapotanina@yahoo.com

The article considers canonical adnominal possessive constructions in the Vasyugan dialect of Khanty. The canonical adnominal constructions are the ones with the overtly marked syntactic relation between the possessor and the possessum which compose a single noun phrase. Non-canonical possessive constructions are usually referred to external possession constructions. The research focuses on adnominal possessive constructions which are head-marked. The author conducts the preliminary comparative analysis of morphologically marked and unmarked (juxtaposed) adnominal possessive constructions in the Vasyugan Khanty. The analysis is based on the constructions with the meaning of possession proper and the ones with non-possessive meanings in an attempt to explain the specificity of their distribution.

Key words and phrases: documentation of endangered languages; the Vasyugan Khanty; category of possessivity; adnominal possessive constructions.

УДК 811.111'37

Филологические науки

В статье рассматривается характеристика положения объекта позиционными глаголами английского языка, а также зависимость выбора глагола от физических свойств и пространственной ориентации фигуры в пространственной сцене. Выявлена информативная недостаточность позиционных глаголов, определен комплекс контекстных элементов для каждого глагола, показано, что выбор глагола для описания локативной ситуации зависит не только от физических свойств и пространственной ориентации объекта.

Ключевые слова и фразы: позиционные глаголы; язык пространства; контекст; информативная недостаточность; частотность; статичная локализация.

Пупынина Елена Владимировна, к. филол. н., доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

pupynina@bsu.edu.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТИЧНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ©

Английский язык располагает несколькими равноуровневыми семантическими категориями глаголов положения в пространстве. В наиболее обобщенном виде это пространственное отношение передается экзистенциальными глаголами, указывающими на сам факт существования такого рода локализации, например, глаголом *be*. Специфическую характеристику статичной локализации представляют глаголы движения. Такое явление в языке получило название фиктивного (в другой терминологии ирреального, или виртуального) движения. Например:

(1) *The road ran straight across the desert for twenty miles* (Gandolfi S. Alistair MacLean's golden girl. P. 57-175) [5]. / *Дорога шла через пустыню на протяжении двадцати миль. (Здесь и далее перевод автора – Е. П.)*

Наконец, глаголы, связанные с конкретной характеристикой положения в пространстве, – позиционные глаголы. К ним относятся *sit / сидеть, stand / стоять, lie / лежать, hang / висеть, squat / сидеть на корточках, crouch / полуприсесть, lean / опираться, recline / полулежать, kneel / стоять на коленях*. Первые три из перечисленных глаголов составляют ядро, так как называют типичные положения человека в пространстве и делают это наиболее нейтральным способом. Глаголам *sit / сидеть, stand / стоять, lie / лежать* будет уделено основное внимание в данной статье.